
Ю. В. ЛЮБИМОВ

КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье разрабатывается проблема «архетипа человечности» на примере языка, представляющего собой событие человеческой культуры. Рассмотрены системы звука, включая интонирование и паузу, развитие словесных изменений и структурных особенностей речи, особенности заимствований. Все это дает основания полагать, что в функционировании языка налицо много общего, хотя вместе с тем отмечена и достаточная вариабельность форм речевой культуры.

Ключевые слова: язык и речевое поведение, событийность культуры, человечность, звукоизображение, слово и очеловеченная среда.

Одним из важнейших средств сплочения людей является язык. Несмотря на отсутствие в современную эпоху взаимно однозначного соответствия «язык – этнос», это основание было и остается одним из ведущих показателей этнической принадлежности. И даже при том, что в современную эпоху есть языки, которыми пользуются несколько народов, существуют особенности их функционирования. Если иметь в виду речевую деятельность, то особенности значимо увеличиваются. И это относится не только к произносительным нормам, словарному запасу, строю языков, но и к речевой культуре в целом.

Язык – это прежде всего **со-бытие** культуры – естественный язык, обеспечивающий свою основную функцию общения в человеческом сообществе благодаря не только созданию и хранению знания в образах языка, но и получению этих знаний (мыслительная деятельность). Привычное понимание относит к языку в основном вербальные его компоненты и структурные взаимосвязи между ними, но общение значительно *меняет* языковое пространство за счет невербальных и даже невербализуемых процессов, обусловленных *синкретизмом* различных проявлений жизни человека. По су-

ти, речевое поведение реализуется в очеловеченной среде. Как отражено в библейском тексте, только после *наречения* имени для человека *становится существующей* окружающая его среда, включая не только вещный мир, но и самого человека (Любимов 2014). Это составляет его субъективность, которая во взаимодействии с другими людьми формирует метасубъектность, в частности язык, позволяющий осуществлять не только общение, но и познание. Но важно отметить, что вербальность всегда «подкрепляется» множеством двигательных и чувственных образов, которые вкупе с ощущением положения и центра тяжести создают условия интеграции, а тем самым координации во всех сферах человеческой деятельности.

Более того, благодаря общей природе *человечности*¹ мы отмечаем множество общих свойств у всех народов. Это, скорее всего, может быть названо архетипом культуры человечества. Что-то общее с пониманием К. Г. Юнгом *коллективного бессознательного*, но не в автономности вычленимых «компонентов», а в их событийности. Конечно, индивидуальный опыт уникален, но он, тем не менее, формируется в общем же культурном пространстве и потому представляет собой своего рода *меру* его актуализации или освоения.

История расселения человечества привела к появлению разнообразия, но притом сохранились и общие черты. Это касается всех языковых особенностей. Так, набор основных звуков присущ в значительной степени всем языкам, что связано с общим для людей артикуляционным аппаратом. Наличие гласных и согласных, губных, зубных, гортанных звуков присуще всем, но появляется – возможно, как варианты, – и множество особых. В полинезийских количество звуков вообще мало (у маори 10 согласных и 5 гласных) (Крупа 1967: 15), а у абхазов при бедности гласных (два основных *a* и *ы*) большое количество согласных (всего фонем 65) (Бокарев, Ломтатидзе 1967: 102). В отдельных языках нет противопоставления глухих и звонких, а есть придыхательность и непридыхательность (немецкий, китайский). Некоторые языки различают твердые и мягкие согласные (русский, ирландский). Отдельные

¹ Принадлежность к роду человеческому или одному биологическому виду *Homo sapiens sapiens* рода *Homo*.

языки различают чистые и носовые гласные (польский, португальский, французский). В языках Восточной Азии слабо различаются R, L, D. В японском нет звука L, хотя R произносится похоже и на R, и на L. В китайском же нет R, хотя в китайской латинице есть буква «г», которая не совсем правильно произносится по-русски «ж» (гép – жэнь). На самом деле звук значительно мягче и все-таки немного «р»-образен², а в конце слога есть эризация. Правда, для транскрипции в начале слога пишут и произносят «l». Фамилию нашего директора китайцы написали иероглифами: Lei Vaifu – Рыбаков (пропустив Ke). В гавайском Aloha (нет r) соответствует маорийскому Aroha (нет l) с тем же значением – *любовь* или *привет*.

Однако речь значительно разнообразнее и в звуковом отношении за счет вариантов произношения. Так, в русском языке нет смыслоразличающих открытого и закрытого «е, э», но в речи есть, как и разные варианты «а» (ударный, предударный и прочие). В речи иногда слова изменяются весьма значительно: *щас* вместо *сейчас*, *тыща* вместо *тысяча* и т. д.

Еще один аспект речи – интонация. Она есть во всех языках, но у многих выполняет не только общефразовые, но и лексические функции. Слова несут часто неизменяемый оттенок произношения, который присущ отдельному слову или слогу и зачастую не зависит от места в предложении. Так, в китайском (путунхуа) насчитываются четыре тона, а в диалектах – даже больше. Но в реальном произношении есть так называемый нейтральный тон, который играет и смыслоразличительную роль:

东西 – dōngxī (восток и запад³) и dōngxī⁴ (вещь, нечто).

Если в китайском или вьетнамском тональная система общеизвестна, то «тональных» языков значительно больше, и не только в Азии или Африке. Конечно, смыслы, передаваемые тонами или – более широко – интонацией, разнятся. Однако сами принципы тонической организации речи являются общераспространенными (Кодзасов, Кривнова 2001: 307–313). И, возможно, основополага-

² Сравните мягкие варианты «г» в польском (gz – ж: Jerzy) и в чешском (ř – по традиции по-русски – рж: Jiří – Иржи, уменьшительное Jurka).

³ 东方和西方 – dōngfāng hé xīfāng (восточная сторона и западная сторона).

⁴ Нейтральный тон не имеет диакритики.

ющими. На мой взгляд, важным показателем, подтверждающим такую версию, может служить детское развитие речи. Поначалу взаимное «угуканье» просто воспроизводит коммуникативную ситуацию между ребенком и взрослым, а позднее появляются *тонические рисунки* слов при слабой дифференциации согласных. Например, «кака́ка» = «соба́ка».

Какие-то вариации тональности⁵ есть у шведов и сербов (а также хорватов). У сербов: *ме́сни* – «мясной» (долгий восходящий) – *ме́сни* – «местный» (краткий нисходящий); *му́ла* – «мулла» (краткий восходящий) – *му́ла* – «мул» (краткий нисходящий); *мла́деж* – молодежь (долгий восходящий) – *мла́деж* – «родинка» (краткий нисходящий).

В некоторых языках (игбо) присущие тоны меняются в зависимости от сочетаний, и не только в лексическом, но и во фразовом значении⁶.

Интонация в предложении может в зависимости от смысла повышаться или понижаться, как пример – вопросительная или повествовательная, но и эмфатическая для выделения какого-то значимого фрагмента речи.

Кроме того, для характеристики звуковой системы очень важна пауза, которая варьируется от ее отсутствия до особой длительности⁷. При том что паузой «отделяются» не только слова, но и значимые сочетания (синтагмы), или значимые «речевые» реакции⁸.

Еще один важный аспект речи – звукоизобразительность, то есть связь звуковой реализации слов с предметом или действием. При том что это относится не только к звукоподражательным словам (ха-ха-ха, мяу, тук-тук...)⁹, но и к более широкому кругу слов. Наглядно представлено это в афразийских языках.

ЛНМ – «есть, вкушать»¹⁰. Реализуется в арабском لحم – LaНМ – мясо, плоть; لهْم¹¹ – LaHiMa – есть, поглощать, поедать, потреблять;

⁵ Музыкальное ударение.

⁶ Нечто подобное есть в японском языке.

⁷ Можно предположить, что сверхкороткой паузой являются, по крайней мере, взрывные согласные и кнаклаут, а также хамза.

⁸ Как пример – «народ безмолвствует».

⁹ И их производным: хохотать, мяукать, стучать...

¹⁰ С точки зрения происхождения: L – движение языка, H – движение глотки (Газов-Гинзберг 1965: 125). Для сравнения: в русском – ЛиЗать, ЛаКать; в немец-

לחם – LaḤaMa – соединять, скреплять, спаивать и в форме الالتחם – 'iLtaḤaMa – сражаться, сцепляться, отсюда ملحمة – maLḤaMat – кровавое сражение, битва¹² (Баранов 1962: 915–916, 935). Соответствующие корреляты в иврите содержат те же значения, за исключением לחם – LeḤeM, которое означает хлеб, а не мясо. Это объясняется переосмыслением еды вообще в основной продукт – хлеб. Однако לחם: לחם – LaḤaM – есть хлеб; в форме הלחם – niLḤaM – воевать; в форме הלחם – hiLḤiM – паять; מלחמה – miLḤaMa – война (Шапиро 1963: 292, 341).

В большинстве языков М *изображает*¹³ слова, связанные с действием губами, например с сосанием: *мама* (разные варианты на других языках, например, вьетнамское mẹ, китайское 母 mǔ, баскское ama, арабское أم umm¹⁴), *сосать* (испанское mamar, турецкое emmek, вьетнамские bú¹⁵ и mút). Но возможны варианты с S или TS: русские *сосать* и *целовать*, грузинские წოვა ts'ova – *сосать*, კოცნა k'otsna – *целовать*).

Другие варианты, меньше связанные с артикуляционным аппаратом, можно продемонстрировать на примере *тяжести-легкости*:

Русский	тяжелый	легкий
Немецкий	schwer	leicht
Литовский	sunkus	lengvas
Латинский	gravis	facilis
Французский	lourd	léger
Иврит	כבד kaved	לך מישקל mishkal
Китайский	重 zhòng	轻 qīng
Вьетнамский	nặng	nhẹ
Якутский	ыарахан	чэпчэки

ком – ЛеСКеп – лизать, лакомиться; в грузинском – ლოკვა (ЛоКва), ტლევკა (тЛе-Ка) – лизать, во вьетнамском – liếm – лизать, lưỡi – язык (орган).

¹¹ Несмотря на орфографию, то есть написание ◦ вместо ח, семантическая связь здесь несомненна.

¹² Образ *битвы* как *сцепки* в «единую плоть», результатом которой будет *кровь*, в русском языке: «они сцепились...». Ср.: «кровавая мясорубка».

¹³ Разумеется, речь идет не об этимологии, а о звуковой мотивированности.

¹⁴ أمة umma – *народ, нация*. Для сравнения: أمومة umūma – *материнство* и русское *отечество*.

¹⁵ В вариант М как варианты губных согласных.

Общие черты просматриваются за счет противопоставления гласных заднего и переднего ряда, использования более «тяжелых» согласных вместо более «легких».

Разумеется, такое *звукоизображение* образует свою *систему соответствий* для разных языков, что не только придает речи особый характер или, скажем, эмоциональную окраску, но и в каком-то смысле ориентирует на значение благодаря включению в деятельностный контекст. Особенно заметны различия между разными языками в заимствованиях. А в родном языке наличие самобытной звуковой системы создает *узнаваемость*, как в известном примере Л. В. Щербы:

«Глѳкая кѳздрѳ штѳко будланѳла бѳкра и курдѳчит бокрѳнка».

В этом примере довольно ясно просматриваются не только «персонажи» с их «качествами», но и «образ» «действия».

Восприятие звучания иной речи, в частности, дало М. В. Ломоносову основания утверждать: «Карл Пятый, римский император, говаривал, что ишпанским язѳком с богом, французским – с друзьями, немецким – с неприятельми, италиянским – с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому язѳку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италиянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского язѳка» (Ломоносов 1952: 391).

Конечно, подобная оценка возможна только извне, но она показывает значимость восприятия звучания речи на другом языке.

При том что языки различаются, вместе с тем у них есть некоторые общие присущие им черты. И, кроме того, сами звуки являются в достаточной мере лабильными, однако вместе с тем имеют и определенные «рамки» вариаций.

Это же относится к *слову* в целом как несущему не только разнообразные смыслы, но и значения. Так, в любом языке есть реализуемая по-разному единичность и множественность, отображаемое пространственное расположение объектов среды, временные параметры действий и состояний, выраженность результатов и ожиданий, а также многое другое, явно связанное с природой человека и очеловечивающейся средой. При этом «логика» формообразования имеет и общие черты.

Основные способы *организации* языкового пространства были ярко и доступно проанализированы Фридрихом Шлегелем (1772–1829) в работе «О языке и мудрости индийцев»: 1) все языки можно разделить на флективные и аффиксирующие; 2) любой язык рождается и остается в том же типе; 3) флективным языкам свойственны «богатство, прочность и долговечность», а аффиксирующим – «с самого развития недостает живого развития», и им свойственны «бедность, скудость и искусственность».

Его брат Август-Вильгельм Шлегель ввел даже понятие «аморфного» типа (например, китайского), показал две возможности флективных языков – аналитического и синтетического строя. Развивал идеи различия Вильгельм Гумбольдт (1767–1835). Но простую классификацию представил Отто Есперсен:

1. Изолирующие¹⁶ языки, в которых предполагается неизменность слова, а отдельное слово представляет самостоятельную и достаточную форму, способную передавать различную семантику. Как пример обычно приводят китайский и некоторые языки Юго-Восточной Азии или Африки. Действительно, китайское 我写信 – wǒ xiě xìn [Я пишу письмо – *букв.* Я писать письмо] – производит впечатление простого сочетания отдельных корней. Но на самом деле реальное состояние языка этим не ограничивается. С помощью дополнительных средств (например, порядка слов или служебных слов) можно передавать различные нюансы. 我爱你 Wǒ ài nǐ – Я люблю тебя, 你爱我 nǐ ài wǒ – Ты меня любишь. Или 我正在写一封信 – Wǒ zhèngzài xiě yī fēng xìn – я пишу письмо [Я именно в *процессе* написания одного – *счетное слово* – письма]. Или даже проще: 我在写信 – Wǒ zài xiě xìn [Я -в- писать – письмо].

Так, во вьетнамском языке построение определительной конструкции строго упорядочено и располагается чаще справа от основного слова, например:

Sáí áo lụa đẹp này – [сл. слово¹⁷, рубашка шелк красивый эта] – Эта красивая шелковая рубашка.

¹⁶ Не путать с *изолированными* языками, генеалогические связи которых с какими-либо другими языками не установлены.

¹⁷ Слово со значением *вещь, штука*. Выполняет роль субстантиватора и в каком-то смысле чем-то похоже на артикль.

Или

Cái cặp da này của bác Nam – [сл. слово портфель кожа этот of дядя Нам] – Этот кожаный портфель дяди Нама (где принадлежность, выраженная словом của, может стоять только в самом конце определительной конструкции).

Или

Nhà máy cao su¹⁸ mới xây dựng của Việt nam – [завод каучук только что строить of Вьетнам] – Только что построенный вьетнамский каучуковый завод.

Дополнительные средства используются и для семантической дифференциации:

Nhà – дом, постройка.

Nhà máy – завод [дом – машина, станок].

Nhà máy điện – электростанция [завод – электричество].

Xây dựng – строить [строить сооружать].

Làm – делать, работать, исполнять какие-либо функции.

Làm ăn – зарабатывать, добывать средства к существованию (омонимы *ăn* – зарабатывать на жизнь, питаться, кормиться, праздновать...).

Làm dấu – сделать знак, пометить, перекреститься (*dấu* – знак, отметка, след).

Làm hỏng – испортить, повредить, сломать (*hỏng* – портиться, изъян).

Làm loạn – производить беспорядки (*loạn* – смута, мятеж).

Правда, эти особые грамматические средства не являются вполне формализованными и сохраняют в некоторой степени свою автономность, могут употребляться и как самостоятельные слова.

В тибетском языке фонетическое заимствование из китайского ལོ་ལྷོ་ ho-k'je (火车 huǒchē – огонь-повозка) вместо собственно тибетского མེ་མོག་ me 'khog. Хотя оба слова составлены из тех же слов и в той же последовательности (огонь повозка), но такой же принцип вообще характерен как для тибетского, так и для многих других языков (Парфионович 1970: 17).

Подобный способ словообразования имеется, например, в русском языке: *человек-наук* или *пароход, стекловата*... И, кроме того, английское *I play chess* так же «составлено» из «чистых» корней.

¹⁸ Из фр. *caoutchouc* – резина, каучук.

2. Агглютинативные языки отличаются высокой степенью формализации грамматических средств (морфем) и их относительной автономностью и однозначностью. Хотя, например, в тюркских языках сами аффиксы несколько видоизменяются по закону сингармонизма, их значение остается неизменным. Такой композиции придерживаются, например, тюркские языки, финно-угорские, японский, в которых форманты (аффиксы) располагаются преимущественно после корня. Или языки банту, в которых значительно чаще используются префиксы.

Турецкое *uzayıoğlar* (от *uzmak* – писать, корень *uz-*) – они пишут, где *yoğ*¹⁹ однозначно обозначает настоящее время, а *lar*²⁰ – множественное число. Или *çocuklar* – дети (от *çocuk* – ребенок), *çocuklarım* – мои дети (где *im* указывает на 1-е лицо), *çocuklarıma* – моим детям. При этом *lar* применимо не только к существительным, но и к глаголам, и всегда однозначно означает множественность.

При этом последовательность аффиксов строго определена.

В языке суахили (семья банту) значимое число формантов предшествует корню. *Hawajapata* (*ha* – не, *wa* – они, *ja* – еще, *pata* – корень) – они еще не получили. Или *mtu* (*m* – показатель единичного объекта класса людей) – человек, *watu* (*wa* – показатель множественного объекта класса людей) – люди.

Особый класс морфем включается в корень слова. Это так называемые инфиксы. В тагальском языке: *sulat* – письмо, *sinulat* – было написано.

3. Флективные языки. Их особенность в том, что происходят изменения как в корне, так и в аффиксах. Однако важно, что однозначность последних не всегда поддерживается. Например, в русском языке *-а/я* относит слово либо к особой системе словоизменения (1-е склонение, именительный падеж единственного числа: *мама, папа, земля*), либо к особой форме склонения (два *стола*, два *сарая*), либо к определенной форме падежа (2-е склонение, винительный падеж единственного числа: *стола, сарая*) и т. д.

¹⁹ Интересно, что аффиксы по своему происхождению соотносятся со знаменательными словами. В частности, *yoğ* восходит к глаголу *yoğur < yoğur-mak || yürümek* – ходить (Кононов 1941: 129).

²⁰ Или варианты: *ler*. В некоторых тюркских еще и *tar/тер, дар/дер* и т. д.

Сами аффиксы могут меняться: горшочек – горшочка, но могут менять корень: друг – друзья – дружба. Или в английском языке обычный показатель множественного числа «s» в определенных случаях звучит [s], [z], [ɪz]. Но при этом есть и особое множественное: *mouse – mice, child – children, man – men* и т. д.

Хотя чистой внутренней флексией, как считалось, семитские языки не ограничивались, но особенность в данном случае состоит в том, что корнем считается обычно трехсложный корень, который передает основную идею или общий смысл, а оформляется с помощью набора гласных звуков, причем достаточно формализовано. КТВ – идея письма, *КаТаВа – он писал, уаКТуВи – он пишет, иКТуВ – пиши, КāТiВ – пишущий, КиТāВ – книга, КиТуВ – книги, таКТаВа – библиотека*. Для большинства форм слова достаточно «подставить» соответствующие гласные²¹. Но вместе с соответствующей схемой гласных используются и префиксы, и суффиксы, и даже своего рода служебные слова (سوف)²². Примерно таким же образом устроена грамматика других семитских языков, хотя в амхарском языке внешняя флексия представлена больше, чем в других семитских языках.

Но изменение корня существует и в других языках. Например, в русском языке: сМеРть, уМиРать, уМоРить, уМРи. Или изменения корня в английском языке: *begin – began – begun; come – came*. И даже *read [ri:d] – read [red]*.

Разумеется, такая простая схема на самом деле не вполне соответствует реальному состоянию языков. И этим грамматические средства не исчерпываются. Как и в изолирующих языках, используется широкий набор служебных слов, а также такие средства грамматических изменений, как порядок слов²³. Но и порядок аффиксов, как и порядок служебных слов, довольно строго регламентирован. Как, впрочем, и у детерминативов в определительных

²¹ Некоторые называют такие схемы подстановок трансфиксами.

²² Обычно называемые префиксом, особенно в сокращенной форме س sa, которая и пишется слитно со словом. Ср.: в русском языке используется префикс к глаголу в настоящем времени, а с приставкой он меняется на будущее время совершенного вида: *пишет – напишет, читает – прочитает*.

²³ Поскольку они не всегда теряют свое лексическое значение, их иногда называют полуслужебными словами. Ср. *англ. I have written a letter* [я-имею-написанным-артикуль-письмо] – Я написал письмо; *I have the letter* [я-имею-артикуль-письмо] – У меня это письмо.

конструкциях. Интересно, что определительные конструкции, например во вьетнамском языке, преимущественно занимают положение за определяемым. В некоторых языках они или предшествуют ему, или занимают смешанное положение. Во французском языке возможно как **bel ami**, так и **dragéau rouge**. В китайском соответственно: 亲爱的朋友 **qīnài de péngyǒu** [любимый-суффикс-друг] и 红色旗帜 **hóngsè qízhì** [красный цвет-знамя]. В русском языке: **милый** друг и **красное** знамя. В китайском примере 的 выполняет роль показателя определения «предводящего» даже сложное определение, как в русском языке сложноподчинительные предложения. Для сравнения вьетнамские: bạn **thân mền** и cờ **đỏ**.

Все упомянутые способы детерминации отдельных слов, тем не менее, оставляют довольно большой диапазон для интерпретаций. Кроме того, в современных языках отмечается значительный объем заимствований из других языков, которые в некоторой степени подчиняются принципам организации языкового пространства, но, бывает, и довольно сильно отличаются.

Еще более сильное влияние оказывает непосредственное взаимодействие разных языков.

Идеальная связь *язык-народ* не всегда соблюдается. Есть языки, на которых говорят несколько народов: английский, испанский, арабский, французский, португальский, русский, немецкий, китайский, хиндустани (хинди и урду) и некоторые другие. При том существуют этнические варианты как бы одного языка. Так, английским языком пользуются англичане и жители Великобритании, ирландцы, жители США, Индии, многих стран Африки, Австралии, Новой Зеландии. Арабский язык имеет множество диалектов, которые иногда сильно различаются между собой, но благодаря общему для арабов-мусульман классическому арабскому языку, который к тому же является общей письменной (литературной) нормой, позволяет говорить о метаэтническом единстве арабских народов. Китайцы говорят на китайском языке, но реальные «диалекты» настолько различаются, что во многих случаях делают взаимопонимание затрудненным или даже невозможным. Однако благодаря письменности проблема во многом устраняется. Правда, для этого требуется знание иероглифов, то есть хотя бы элементарная грамотность.

Но также есть народы, говорящие на двух и более языках. Например, ирландцы говорят на английском и ирландском (кельтском)²⁴; многие жители Индии используют английский язык, иногда и как родной, но при этом сохраняют свою этническую принадлежность и свой язык. В силу разных причин среди народов мира распространено такое явление, как билингвизм и даже трилингвизм. Армянский поэт XVIII в. Саят-Нова (Арутюн Саадян) писал стихи на армянском, азербайджанском, грузинском языках.

В традициях некоторых народов языком литературы (и тем самым более престижным) был чужой язык. В античном мире признавались языками греческий и затем латынь, все остальные считались бормотанием²⁵. Эта же традиция продолжалась довольно долго и в Средние века. «Местные языки» считались не совсем достойными, и «ученые» предпочли латынь или даже греческий. Этим в значительной степени определяется тот вес, который получила античная культура в мировой истории.

Арабский язык характерен для многих мусульманских народов, китайский – для Восточной и отчасти Юго-Восточной Азии, пали – для буддистских стран, например, фарси – для народов Средней (Центральной) Азии, Кавказа, Индии²⁶. В современную эпоху широкое распространение получил английский язык, а в бывших владениях Франции – французский. Однако, во-первых, существуют местные особенности этих языков, а во-вторых, они используются все-таки лишь отдельными сегментами общества.

В связи с этим возникло такое явление, как заимствования, которыми обозначаются, как правило, отсутствующие в языковой среде реалии, но иногда в силу разных причин они даже заменяют свои исконные слова²⁷. Иногда в языке появляются и заимствова-

²⁴ Число говорящих на ирландском (Gaeilge) не столь велико, но язык, а также его диалекты, сохраняются. Более того, есть еще и «общеирландский» (An Caighdeán Oifigiúil), который стал одним из официальных языков Евросоюза.

²⁵ Ср. этимологию βάρβαροι – варвары, негреческие народы (например, персы), что родственно латинскому balbus – заикающийся, запинаящийся, бормочущий, картавый, косноязычный, а также ср. рус. балабола – все эти слова относят к звукоподражательным или, точнее, звукоизобразительным словам, имеющим общий источник.

²⁶ Знаменитый поэт Низами Гянджеви писал на фарси, но жил в Гяндже (нынешняя территория Азербайджана), из-за чего не стихают споры о его этнической принадлежности.

²⁷ Вспомним замечательный разговор Вамбы и Гурта из романа Вальтера Скотта «Айвенго».

ния грамматического характера²⁸, как, например, наличие постартикла в болгарском и македонском, румынском и албанском. При том что в других генетически родственных (славянских и романских) языках артикли либо отсутствуют, либо занимают предшествующую позицию²⁹.

У мусульманских народов существует большое количество заимствований из арабского языка, у народов Восточной и Юго-Восточной Азии – множество заимствований из китайского, а у попавших под индийское влияние много заимствований из санскрита или пали. В современную эпоху усилилось влияние английского языка.

Конечно, заимствования иногда сильно «преображаются» и подчас бывает трудно установить сам источник. Это связано с различием в фонетической системе «принимающих» языков, поэтому более интересны заимствования между разнотипными языками.

Во вьетнамском языке, как и в других языках, использующих или использовавших китайскую иероглифическую письменность, помимо большого числа китаизмов, в основном книжного происхождения, встречаются и заимствования из других языков. Как и китайские, такие заимствования подвергаются звуковой аккомодации. Например, французские слова во вьетнамском (Любимов 2016: 186).

В этом смысле интересен пример японского языка, в котором имеется большой пласт заимствований из китайского языка вместе с китайской письменностью. Первоначально письменность в Японии и представляла тексты на китайском языке, затем на японском с помощью «фонетических» иероглифов и обилия китаизмов. Это привело к тому, что в современном языке практически каждый иероглиф имеет по два чтения: онное и кунное. Одно в какой-то степени передает звучание китайского, второе – японского языка. Так, **文学 bungaku** (кит. wénxué) – литература; **文 fumi** – письмо; **学 manabu** – учиться, изучать. Язык дополнился большим массивом английских заимствований, по традиции записываемых катаканой: kamubakku (come back), nonburu (number), hōku (fork)... Впрочем,

²⁸ Большое распространение, например, в коптском языке грецизмов не только в характерной христианской лексике, но и включая служебные слова (предлоги, союзы).

²⁹ Интересно, что в латинском языке артиклей тоже не было, а в новых языках на основе латыни они появляются.

это относится к современным реалиям и имеет не столь широкое употребление, по большей части в профессиональной среде.

Интересное явление – появление так называемых «креольских языков», в которых слова могут быть, например, искаженными английскими, а грамматика – аборигенов. Гавайское: *Plis, scuse tu mach smol wahine, he no can come kula tomala. Mama plenti pilikia.* – *Пожалуйста, извините маленькую девочку, она не может прийти в школу завтра. Мама очень больна.* Здесь только два слова – «wahine» (женщина) и «pilikia» (больной) – из языка аборигенов. Даже на ранних этапах взаимодействия формировались особые социальные группы, которые благодаря тесному общению с носителями иной культуры осваивали их внешние черты: манеру поведения, стиль одежды, особенности ведения бизнеса, язык или хотя бы отдельные его элементы. Языком общения мог быть уже существовавший в регионе *lingua franca*³⁰ либо разного рода пиджины. Последние, как правило, формировались на основе языка колонизаторов с упрощенной грамматикой. Таков, например, кяхтинский язык, которым пользовались на рубеже XIX–XX вв. в русско-китайской торговле по типу «моя твоя понимай нету»³¹. Но есть примеры более успешных и более развитых пиджинов³². Так, *tok pisin* стал даже официальным языком в Папуа – Новой Гвинее наряду с английским и хири-моту. Подобные языки общения создавались на основе других языков: французского – *Tâu Vôl*³³ во Вьетнаме, немецкого – *Unser Deutsch* в Папуа – Новой Гвинее и *Küchendeutsch* в Намибии, японского *横浜ピジン日本語* (*Yokohama Pijin Nihongo*) в Японии для общения с европейцами. Сюда же можно отнести множество креольских языков и на испанской, и на португальской основе.

Конечно, большая часть пиджинов и даже креольских языков со временем исчезает и на первый план выходят реальные языки,

³⁰ Язык межэтнического общения.

³¹ Некоторое время в Китае были специальные курсы обучения кяхтинскому языку для чиновников, связанных с пограничной торговлей с русскими. Даже выпускались учебники.

³² Пиджин, ставший родным языком для части населения и, соответственно, более совершенный по сравнению со своим предшественником – узкопрактическим средством общения – обычно называется креольским языком.

³³ *Tâu* – вьетнамское чтение китайского иероглифа 西 *xī* со значением «западный»; *Vôl* – от английского *boy* со значением «слуга, бой».

например колонизаторов. Однако феномен интересен для этнической истории, поскольку отражает процессы культурного взаимодействия между разными этническими группами – китаизацию южных районов современного Китая и народов Восточной Азии, арабизацию многих народов, принявших ислам, тюркизацию народов Малой Азии и т. п. С одной стороны, это приводит к универсализации этнического пространства, а с другой – создает этнолингвистическое и в целом этнокультурное своеобразие в регионах³⁴.

Да и сам английский язык формировался по типу креольского, то есть под сильным влиянием французского (точнее, старофранцузского). В результате были утрачены многие особенности германских языков (система склонения, грамматический род, система спряжения)³⁵, было много заимствований из французского и латыни. Однако язык не только сохранился, но и стал одним из мировых языков, а также источником заимствований.

Важно, что заимствования часто носят не спонтанный характер, а определяются новой сферой культуры. Наибольшее число заимствований связано с религией (арабские у мусульманских народов) или техникой (английские, например, у японцев). Причем они часто используются терминологически, чтобы избежать интерпретаций, но вместе с тем оказывают воздействие и на грамматические формы, и на общие «схемы» звукоизображения. Для примера, вологодская молодежь, получившая образование в ленинградских вузах, по возвращении в родные места утрачивает родную интонацию и «оканье». А когда пытаются это делать – нарочито окают, но плохо интонируют. «Вторичная имитация» вологодского произношения звучит несколько утрированно. То же относится к попыткам «подражания» американской интонации в речи на русском языке. Очень жаль, что подобные примеры проникают в средства массовой информации.

Еще один важный аспект связан с контекстом речевой деятельности.

³⁴ В современном Сингапуре используется вариант китайского языка по подобию северного диалекта, несмотря на то что китайцы Сингапура по происхождению носители южных диалектов.

³⁵ Похожая ситуация с болгарским и македонским языками. Многие характерные черты славянских языков были утрачены, но появился постарктиль. И даже сам этноним тюркского происхождения.

К примеру, известное хайку Мацуо Басё:

古池や
蛙飛込む
水の音

(Furu ike ya / kawazu tobikomu / mizu-no oto :

О старый пруд / лягушка прыгает³⁶ / звук воды).

Казалось бы, «информации» достаточно, чтобы передать *некоторый* образ ситуации, но смыслы все же остаются не вполне открытыми вне *контекста* (обстоятельств³⁷) и допускают множество *уточняющих деталей*, значительно расширяющих пространство осмысления и «провоцирующих» множество интерпретаций. «Меж тем их разномыслие, пожалуй, исчезло б от свеченья свечки малой» (Руми Джаладдин 1986: 108). Но для понимания необходима не просто «свечка», а, скорее, актуальность общего культурного пространства, что, по всей видимости, и предлагал великий поэт. В этом примере весь смысловой контекст оказывается «за рамками», заставляя читателя задуматься и в конце концов постараться *понять* замысел автора. Японцу это оказывается легче, поскольку культурный контекст более-менее знаком, но для иностранца возможны большие затруднения. Конечно, дело не в допустимом особом философском понимании текста, а в традиции общения и восприятия речи, социокультурного диалога.

Или удивительное *начало* Библии: בְּרֵאשִׁית בָּרָא אֱלֹהִים אֶת הַשָּׁמַיִם וְאֶת הָאָרֶץ

– *Началом сотворил Бог (боги!) небеса и землю.* В этом фрагменте заключены смыслы, которые не столь явно обозначены, из-за чего переводы на другие языки фактически *искажают* текст в зависимости от культурной среды и соответственно особенностей языков, даже близкородственных (Любимов 2014).

Еще один пример осмысления связан с индивидуальным опытом. В молодые годы я без восторга читал стихи А. А. Ахматовой. Мне ее произведения казались чересчур сентиментальными, но, напротив, очень нравились стихи М. И. Цветаевой или Р. М. Рильке. Но через годы, едва раскрыв томик Ахматовой, я был уже потрясен ее творчеством. Удивительно тонко и проникновенно передавав-

³⁶ Нырятся, а точнее – впрыгивает.

³⁷ Circumstantia – буквально «стоящее вокруг».

шая чувства, которые стали мне знакомыми, поэсса оказалась в числе моих любимых писателей. Слова те же, но смыслы стали иными.

Интересно, что особые смыслы скрываются за особенностями социальных форм существования конкретных языков.

К примеру, обычное обращение к собеседнику различается у разных народов. Обращение на «Вы» подчеркивает социальную дистанцию, принадлежность к разным, например, возрастным группам. Напротив, «ты» более эмоционально и даже интимно. Хотя в разных контекстах «ты» может звучать грубо и даже дерзко, но оно, тем не менее, отражает сближение с собеседником. Обратиться к матери, другу, любимой и даже к Богу на «Вы» значило бы подчеркнутое отдаление или иронию. Англичане используют лишь один тип обращения – you, что ставит всех как бы в равные отношения, хотя носит при этом формальный характер. У немцев вежливость выражается в обращении на Sie, у итальянцев – на Lei. А у ирландцев или евреев обращения на «Вы» нет вовсе. Ирландцы шутливо объясняют обращение на «Вы» как учитывающее собеседника и его духовного покровителя.

У многих народов существует сложная система обращений, в которых учитываются возраст, социальное положение и проч. Это связано и с системой родства.

Знакомое русским: муж – отец, жена – мать, сын – дочь, брат – сестра, дядя³⁸ – тетя, племянник – племянница, двоюродный брат – двоюродная сестра... и т. д. Но у малайцев: laki – муж, мужчина, bini – жена, ibu – мать, женщина (замужняя или имеющая детей), bara – отец, дядя (по отцу), matak – дядя или тетя (по матери), anak – ребенок, saudara – брат, сестра, родственник, товарищ. Турецкие: baba – отец, amca – дядя (по отцу), dayı – дядя (по матери), hala – тетя (по отцу), teyze – тетя (по матери), oğul – сын, kız – дочь, kardeş – брат, сестра, двоюродный брат, двоюродная сестра, uşen – племянник. У китайцев, например, различаются старшие и младшие братья и сестры, а у вьетнамцев и некоторых народов Индокитая термины родства играют роль личных местоимений. Вьетнамские: Anh – старший брат, ты, вы (вежливо к ровеснику); Chị – старшая сестра, ты, вы; Em – младший брат, младшая сестра, я (обращение к старшему или жены к мужу), ты (обращение к младшему или

³⁸ Но при устаревших *строй* или *стрый* (дядя по отцу), *вуй* (дядя по матери).

мужа к жене). То же относится, например, к другим «местоимениям»: *Bác* (старший брат отца), *Chú* (младший брат отца), *Sâu* (младший брат матери), *Dượng* (муж старшей сестры матери) и т. д. Эта терминология отражает не только структуру и иерархию, но и определяет соответствующие социальные связи между людьми и разными группами общества.

Функционирующий язык или речевая деятельность – не только своеобразный информационный процесс, но и особым образом «окрашенная» речь, *сопровождаемая* жестикующей, мимикой и пантомимикой, интонацией, перемежаемая в том числе и ненормативной лексикой, как иногда говорят, «для связки слов». На самом деле все *экспрессивные* способы общения выполняют важную функцию – точнее донести мысль до собеседника. Стоит обратить внимание на широкое использование знаков пунктуации или, к примеру, смайликов в sms-общении для «компенсации» привычных для устной речи жестов и интонации. Смыслы могут быть выражены еще более сложно, например безмолвием или паузой. В случае с письменной речью «предлагается задание» «домыслить», опираясь на так или иначе актуализуемый контекст. Вспомним знаменитую сцену у А. С. Пушкина:

М о с а л ь с к и й .

Народ! Мария Годунова и ее сын Феодор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы. (*Народ в ужасе молчит.*) Что ж вы молчите? Кричите: да здравствует царь Дмитрий Иванович!

Народ *безмолвствует* (Пушкин 1964: 322).

Этот *диалог* как нельзя лучше показывает возможности невербальной коммуникации, но благодаря авторским ремаркам, которые связывают молчание как действие с безмолвием как *речевой реакцией*, хотя и без слов (*без молвления!*), как «хлопок одной ладонью» (Дзенские... 2009: 104–106). При этом *объем смысла* достаточно велик, чтобы «обеспечить» полноценное общение. Конечно, не все проясняется и в любом случае требует интерпретации.

Литература

Баранов, Х. К. (сост.) 1962. *Арабско-русский словарь*. М.: Гос. изд-во ин. и нац. словарей.

Бокарев, Е. А., Ломтатидзе, К. В. (отв. ред.). 1967. *Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки.* М.: Наука.

Газов-Гинзберг, А. М. 1965. *Был ли язык изобразителен в своих истоках? (Свидетельство прасемитского запаса корней).* М.: Наука, ГРВЛ.

Дзенские притчи. 2009. Пенза: Золотое сечение.

Кодзасов, С. В., Кривнова, О. Ф. 2001. *Общая фонетика.* М.: РГГУ.

Кононов, А. Н. 1941. *Грамматика турецкого языка.* М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Крупа, В. 1967. *Язык маори.* М.: Наука, ГРВЛ.

Ломоносов, М. В. 1952. *Российская грамматика.* В: Ломоносов, М. В., *Полн. собр. соч.* Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Любимов, Ю. В.

2014. Сотворение мира: сравнительно-лингвистический анализ ранних переводов Библии. *Историческая психология и социология истории* 2: 25–39.

2016. О природе ассоциаций и проблемах лексической памяти. *Историческая психология и социология истории* 2: 173–189.

Парфионович, Ю. М. 1970. *Тибетский письменный язык.* М.: Наука, ГРВЛ.

Пушкин, А. С. 1964. *Полн. собр. соч.:* в 10 т. Т. 5. М.: Наука.

Руми Джалаладин. 1986. Притча о спорах по поводу облика слона. В: Руми Джалаладин, *Поэма о скрытом смысле,* с. 108–118. М.: Наука, ГРВЛ.

Шапиро, Ф. Л. (сост.). 1963. *Иврит-русский словарь.* М.: Гос. изд-во ин. и нац. словарей.